

Наши юбиляры

- 1989 - 14 апр.

РЕДКОЕ ДОБРОЗДРАВие

Завершался век. Москва, помня себя столицей, пестроверхая и непраздная, вытачивая осанку, озирая светящийся горизонт. Кузнецкий мост, выгибаясь брусчаткой, преображался, примеряя гладкий гранит. Неглинка-Петровка с бульваров выбегали смотреть его новые одеяния. К обочинам льнули пролетки, пропускающая дикий дым авто. Исчезли плывущие кринолины в темном бархате томных туник. Церемонные сюртуки теснили поджарые пиджаки. Газли свечи и гроздь электрических лампочек рассыпались в чревах тучных зеркал. Фаберже, Кузнецов, Елисеев. Последний наследник робко оглядывал корону империи. Еще не скоро ружейный дым Пресни окутает манчжурские сопки. К облакам двинулся аэроплан. В воду бухались бро-

неносцы. Полковые трубы, славя вальсовый век, начинали играть хрустящие марши.

Родился мальчик. Под крышами тихой Молчановки в первых запахах московских садов. Потом цветы с их куртин летели к занавесу в Камергерском. Чехов, Книппер и Шехтель растревожили чайку. Преданный почитатель, отбивая ладошки, хотел быть наездником. Осыпались нарциссы и цвели орхидеи. В чинных гостиних заурчал телефон. Синий снематограф дерзким лучом завораживал вечерние сумерки. Цокал «модерн». «Мир искусства», «Бубновый валет», акмеисты и футуристы.

На ночной луг забредали кони. С утра их запрягать.

Разгоралась война. Прощальные вздохи «Славянки» сливались со стуком колес отходящих вагонов. Первый автомобиль — семиместный «Опель» в 28 лошадиных сил. 1916 год. Вместе с дипломом коммерческого училища.

Февраль. Быстрое лето. Октябрь. Гвоздики и красные банты. Сполохи гражданской розни. Аскетизм, конструктивизм, острые ритмы Шостаковича и Прокофьева, мягкий шаг айседоровских учениц. Два самородка — его однолетки — год раньше, год позже — свершат ликующий взмыв в русской поэзии. Бодрый нэп, кончина вождя и начало сегодняшних катализмов. лизмов.

Новая большая семья в прославленном Малом театре. Актер и сценограф. А за стенами — Чкалов и Киров, Папанин и Тухачевский, Утесов и Рыков, Дунаевский и Мейерхольд. Повсюду — один немигающий лик. Как обрыв — Отечественная война.

Победа кружила всех. Снова за кисть. Большие пространства. Широкий разлив оформительского искусства. Музеи, выставки, площади. Мастер во главе мастерской. Жизнелюбие, добронравие, внешняя импозантность. 70—75—80. Вверх через три ступеньки. Не любит портфели и шляпы. Кепи и бабочка. Увлекательный собеседник и галантный кавалер. В острых спорах выбор оружия — ваш. Свой арсенал с избытком: кинжальное слово, пленительный комплимент, сальто верной руки с грифелем или кистью, профессиональное лицедейство, тонкая ножка бокала. Расцвет долголетия в многолетнем застое. Лукавый разговор со временем.

Когда же явится юбиляр? — ожидательно вопрошали официанты, спустя четыре часа с начала банкетного действия. Скоро ли введут прозрачного старикашку с негнущимися коленями и просунут в главное кресло? Да вот же он — в зале: восторженный, статный и громче всех говорящий. В прошлом веке поставленным голосом...

Девяносто пять! 14 апреля. Да здравствует дух и искусство! Да здравствует юбиляр — **ИГОРЬ КОНСТАНТИНОВИЧ ЗИНОВЬЕВ.**

Игорь КРЮКОВ,
художник.